

дуальная (общая) рентабельность не может служить критерием народнохозяйственной эффективности капитальных вложений. Вместе с тем, показатель чистой прибыли выполняет ту же функцию, что и показатель приведенных затрат, но при условии тождественного эффекта в сопоставляемых вариантах вложений. Попытки придать ему значение критерия абсолютной эффективности капиталовложений, допускающего сравнение вариантов с разными объемами производства, нельзя признать достаточно обоснованными.

Глава 9

ХОЗРАСЧЕТ И ПРИБЫЛЬ

В предыдущих главах книги хозрасчет был охарактеризован как метод управления социалистическими предприятиями, нацеленный на всемерное стимулирование эффективности производства. В качестве центральной проблемы рациональной организации коллективного стимулирования рассматривался вопрос об оценке экономических результатов деятельности хозрасчетных звеньев народного хозяйства, о возможности обобщенного их выражения с помощью показателя прибыли. Вместе с тем в ходе изложения была обозначена позиция автора книги по этому вопросу, но только в общих чертах. Теперь она должна быть конкретизирована. Для этого надо уточнить требования к анализу соотношения категорий экономической эффективности и рентабельности.

Начнем с того, что в научной литературе понятию экономического эффекта не всегда придается одинаковое значение. В еще большей мере это относится к понятию прибыли, за разными значениями которого нередко скрывается существенно разный экономический смысл. Рассматривая взаимосвязь этих понятий, следует четко отovarивать те их значения, которые имеются в виду. Далее, необходимо разграничивать народнохозяйственный и хозрасчетный аспекты проблемы: в масштабах всего общественного производства и на уровне его отдельных звеньев соотношение исследуемых категорий предстает по-разному.

Но разграничивать — это не значит изолировать. Речь идет о разных аспектах одной и той же проблемы, и показатель прибыли хозрасчетного предприятия не может изучаться в отрыве от понятия суммарной прибыли народного хозяйства. Наконец, обсуждение вопроса нужно вести применительно к четко определенной общей схеме функционирования плановой экономики, и вытекающие из нее выводы не могут распространяться на другую схему. С учетом этих требований и строится дальнейшее изложение.

1. РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Удобно рассмотреть вначале самые общие определения. Эффективность вообще — это способность достигать нужных результатов с минимальными издержками. Измеряется она отношением полезного эффекта к затратам на его получение. Всякая разумная деятельность следует этому правилу — безотносительно к ее содержанию и целям. Понятие эффективности конкретизируется в каждой области человеческой деятельности в зависимости от специфической формы искомого эффекта. Хозяйственная деятельность руководствуется принципом экономической эффективности, которая выражается отношением экономического эффекта к вызвавшему его затратам. Рентабельность, в свою очередь, измеряется отношением прибыли к обусловившим ее затратам. Таким образом, затраты хозяйства — конечно, полные затраты, а не только текущие — выступают в качестве общего условия получения экономического эффекта и прибыли, и их можно рассматривать как общий знаменатель отношений, одно из которых выражает эффективность, а другое — рентабельность производства. Стало быть, соотношение этих категорий определяется соотношением числителей названных выражений, т. е. экономического эффекта и прибыли, и обсуждаемая проблема заключается в выяснении возможностей измерения экономического эффекта прибылью. Для этого необходимо конкретизировать данные выше общие определения.

Прежде всего — о понятии экономического эффекта и выражающих его показателях. Это понятие логически связано с содержанием целей, преследуемых хозяйст-

венной деятельностью. Наиболее общая цель хозяйственной деятельности при социализме — удовлетворение народных потребностей. Ей подчинено производство и распределение экономических благ, она естественна в условиях общественной собственности на средства производства. Поэтому *теоретически* экономический эффект социалистического производства измеряется степенью удовлетворения потребностей общества, или, что то же самое, полезным эффектом производимых благ. Вопрос в том, чтобы обосновать показатели, которые могут *практически* выполнить эту задачу. Какими выводами располагает в этой части экономическая теория?

В предыдущем разделе книги отмечалось, что западные школы политической экономии пришли прежде всего к показателям физического объема производимого продукта как к мере экономического богатства. При этом полезный эффект продукта полагался в общем пропорциональным его физическому объему. С выдвижением же на первый план теории полезности отправным пунктом анализа становится концепция редкости, и проблема эффективности представляется как задача рационального межотраслевого распределения ограниченных производственных ресурсов. Фундаментальные теоретические трудности — сравнения индивидуальных полезностей и оценки потребностей — ограничивают анализ рамками статической модели: предпосылкой о данных постоянных потребностях. Мерой экономического эффекта в такой модели служит полезность, и ее общий максимум достигается в состоянии равновесия — напомним, что относительный максимум, для данного распределения доходов.

Известные упреки марксистской экономической теории в том, что якобы она, подобно буржуазной классической школе, игнорирует полезность производимых благ, лишены всяких оснований. Понятие общественно необходимых затрат труда, подчеркивал К. Маркс в III томе «Капитала», предполагает, что «не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество»¹. Эта же мысль проводилась Ф. Энгельсом, который писал, что в будущем обществе «план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда»². Таким образом, основоположники

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 25, ч. II, с. 185.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 20, с. 321.

марксизма совершенно четко формулируют проблему учета полезного эффекта производимого продукта, соответствия его отраслевой структуры существующим потребностям. Подробный анализ взглядов классиков марксизма по этому вопросу содержится в работах ведущих представителей советской экономико-математической школы³.

В отечественной литературе понятие экономического эффекта трактуется по-разному — в зависимости от степени учета требований к вещественному составу производимых благ. Это находит выражение в показателях, предлагаемых для измерения экономического эффекта. Общая его характеристика как меры удовлетворения потребностей получает логическое развитие в тех работах, которые выдвигают на первый план учет полезного эффекта хозяйственных благ. Этот подход развивается, в частности, экономико-математическим направлением (хотя не только им), уделяющим большое внимание категории полезности и связывающим ее измерение с расчетом экономических результатов производства на базе цен, учитывающих существующую систему предпочтений⁴.

Вместе с тем рекомендуются и такие показатели экономического эффекта, которые расходятся с указанной его общей характеристикой. К ним следует отнести показатели физического объема продукта, пригодные, как уже говорилось, для расчета производительности, но не экономической эффективности. Публикуемые официальной статистикой синтетические показатели экономического роста выражены в неизменных ценах, но они дополняются рядом частных показателей уровня народного потребления: реальных доходов населения, душевого потребления важнейших продуктов и др. Сопоставимые цены называются как необходимое условие измерения динамики производства в действующих методических указаниях по планированию народного хозяйства, они предусматриваются ме-

³ См.: Петраков И. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. М., «Мысль», 1971.

⁴ Марксистский анализ категории полезности проводится в ряде работ советских экономистов (см., например: Немчинов В. С. Потребительная стоимость и потребительские оценки. — В кн.: Экономико-математические методы. Вып. 1. Народнохозяйственные модели. Теоретические вопросы потребления. М., Изд-во АН СССР, 1963; Турецкий Ш. Я. Потребительная стоимость и надержки производства. — «Коммунист», 1963, № 13).

тодической определении эффективности капитальных вложений⁵.

Заметим, что речь идет сейчас не о сравнительных достоинствах предлагаемых в литературе показателей эффективности общественного производства⁶. В нашу задачу не входит и разбор рассчитываемых на практике агрегированных плановых и статистических показателей — совершенно необходимых и выполняющих важные измерительные функции. Для формулирования проблемы соотношения категорий рентабельности и эффективности производства важно лишь отметить, что существуют разные мнения о понятии экономического эффекта и выражающих его показателях. Пожалуй, большинство авторов считает таким показателем чистый продукт общества (национальный доход), но не всегда признается необходимость учета соответствия его структуры общественным потребностям. Некоторые исследователи, как мы видели, отождествляют производительность и эффективность, не различая понятий физического объема и полезного эффекта производимого продукта. Другие предлагают вместо национального дохода такие показатели экономического эффекта, как прибавочный и даже валовой продукт. Существует и мнение о принципиальной невозможности выражения экономических результатов производства в денежной мере. Очевидно, что разным значениям понятия экономического эффекта соответствует разное их соотношение с категорией прибыли.

Но, как говорилось, и понятие прибыли неоднозначно. Мы уже знаем, что эволюция экономической мысли Запада постепенно ограничивала область этого понятия: первоначально прибыль рассматривается в качестве всеобщей формы дохода на капитал, затем как предпринимательский доход, а в новейшей теории она считается разницей между реализованным и ожидаемым доходом, порождая

⁵ Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М., «Экономика», 1974, с. 59; *Типовая методика определения экономической эффективности капитальных вложений*. М., 1969, с. 4.

⁶ Содержательный разбор различных точек зрения по вопросу об обобщающем показателе экономического эффекта социалистического производства дается в статье А. И. Ноткина «Методологические вопросы определения экономической эффективности социалистического производства» в книге «Экономическая эффективность общественного производства в период развитого социализма» (М., «Наука», 1977).

мой неопределенностью. В нашей экономической литературе термином «прибыль» нередко обозначаются по существу разные понятия. Хозяйственная практика понимает под прибылью разность между оптовой ценой предприятия (без налога с оборота) и себестоимостью продукции, выделяя общую (балансовую) и расчетную прибыль. Теоретическая литература обычно рассматривает это понятие в более широком смысле — как денежные накопления хозяйства (включая налог с оборота), выражающие стоимость прибавочного продукта социалистического производства, и также разграничивает общую и чистую прибыль. В последние годы, особенно в связи с развитием экономико-математических исследований, получает признание концепция нулевой прибыли оптимального (построенного с помощью экстремальной математической модели) плана.

Вернемся теперь к соотношению рассматриваемых категорий. Если измерять экономический эффект общественного производства физическим объемом чистого продукта, то прибылью он выразиться не может — в любом из названных ее значений. Соответствие существует между стоимостью физического объема прибавочного продукта и общей прибылью (включающей налог с оборота) в неизменных ценах; это просто одно и то же. Но, во-первых, прибавочный продукт представляет только одну часть результатов общественного производства; другая часть — необходимый продукт, или фонд потребления работников производства — в условиях социализма не менее важна. Во-вторых, в постоянных ценах можно измерять техническую производительность, но не экономическую эффективность. Суммарная прибыль народного хозяйства в текущих ценах также не выражает всего эффекта производства, даже если он измеряется в этих же ценах — в силу первой из указанных причин. В этом случае прибыль относится к экономическому эффекту как часть к целому. Еще меньше соответствие между ними в том случае, когда под экономическим эффектом понимается совокупный общественный продукт. Наконец, обсуждаемый вопрос вовсе теряет смысл, если отрицается возможность выражения конечных результатов производства в ценностных (денежных) показателях.

Автор настоящей книги признает такую возможность и причисляет себя к большинству советских экономистов,

полагающих мерой экономического эффекта общественно-производства при социализме национальный доход. Надо лишь оговорить, что это главная, а не единственная мера и что национальный доход должен быть выражен в экономически обоснованных текущих ценах. Экономически обоснованных — это значит учитывающих всю гамму ценообразующих факторов, лежащих на стороне как производства, так и потребления, и отражаемых в конечном счете в соотношении спроса и предложения. Эта позиция, собственно, высказывалась уже в ходе всего предыдущего изложения. Полезный эффект продукта производства, подчеркивалось неоднократно, обусловлен его отраслевой структурой, ее соответствием существующим потребностям. Поэтому измерить его можно только с помощью цен, реагирующих на изменения структуры производства и потребления, т. е. гибких текущих цен.

Но это не означает, что исчисляемый в таких ценах национальный доход становится идеальной и единой мерой эффективности производства. Возможность его измерения с помощью единственного показателя мало вероятна по целому ряду причин. Это, во-первых, приближенный характер макроэкономических измерений, особенно динамических, определяющий необходимость системы показателей для более надежных оценок. «Было бы, конечно, странно, если бы «экономический рост» наций можно было описывать без особых трудностей простым сравнением последовательного ряда чисел, будь то их валовой национальный продукт или нечто подобное и столь же исчерпывающее. И если экономика когда-нибудь достигнет такого приятного состояния, когда «рост» можно будет измерять надежно с помощью *единственного* (1) числа, то это условие будет успешно выполнено лишь в результате таких событий, которые в настоящее время наука пока не может предусмотреть»⁷.

Во-вторых, это невозможность даже приближенного выражения одним показателем всех эффектов производства — даже только экономических. Наши представления о взаимосвязи общественного хозяйства и окружающей среды, существенно расширившиеся в последнее десятилетие, не позволяют уже судить об экономической эффективности производства без учета его воздействия на биосферу. Переход к контролируемому техническому и экономическому развитию дает основания говорить о необходимости «биосоциальной» оценки результатов производства, предполагающей обязательные экологические измерения. В свете новых знаний максимизация чистого продукта общества перестает служить свидетельством оптимального экономического роста⁸.

⁷ *Моргенштерн О.* О точности экономико-статистических наблюдений. М., «Статистика», 1968, с. 280—281.

⁸ См. по этому вопросу: *Олдж П. Г.* Общественное производство и окружающая среда. Новосибирск, «Наука», 1979.

В-третьих, напомним хорошо известные трудности измерения динамики экономического эффекта, связанные с неизбежными изменениями системы потребительских предпочтений во времени. Но об этом будет подробнее сказано ниже.

Если главной мерой экономического эффекта производства служит национальный доход, то ею не может быть прибыль. Последняя представляет только часть общего эффекта, к тому же непостоянную его часть, меняющуюся вне зависимости от динамики эффективности производства. В плановом хозяйстве уровень его рентабельности обусловлен устанавливаемой планом пропорцией между необходимым и прибавочным продуктом — пропорцией, выражающей отношения не только производства, но и распределения. В связи с этим суммарная прибыль народного хозяйства отражает не весь прирост производственного эффекта: та его доля, которая направляется в плановом порядке на повышение оплаты труда работников производства, не увеличивает прибыль. Только после того как названная пропорция определена, рентабельность может характеризовать сравнительную эффективность вариантов развития производства. Величина необходимого и прибавочного продукта, как и соотношение между ними, зависит от общих размеров национального дохода: ведь распределять в разных формах можно только то, что произведено. Поэтому именно национальный доход — мера производственного эффекта, и ее нельзя заменить показателем прибыли.

До сих пор имелась в виду прибыль, понимаемая в виде разницы между ценой и себестоимостью общественного продукта. В экономико-математической интерпретации этого понятия проблема его соотношения с категорией экономического эффекта получает иное освещение; она вообще предстает в другом аспекте. В экстремальной модели народнохозяйственного плана, где целевой функцией служит уровень благосостояния («общественная полезность»), понятие экономического эффекта органически связано с этой функцией и выражает степень удовлетворения потребностей общества. Если, например, задача планирования решается на максимум народного дохода, то максимизируемой величиной является не физический его объем, а полезный эффект. Такой же смысл имеет понятие экономического эффекта в задаче на минимум затрат труда: двойственной задачей при этом может быть максимизация

полезного эффекта чистого продукта. Во всех случаях затраты и результаты производства выражаются в оценках оптимального плана, а условием его оптимальности служит равенство затрат и результатов, т. е. нулевая прибыль. При этом условии возможный максимум объема производства сочетается с такой его структурой, которая соответствует потребностям; в противном случае прибыль принимает отрицательное значение. Таким образом, в оптимальном варианте развития производства максимум экономического эффекта (удовлетворения потребностей) совмещается с максимумом прибыли (ее нулевым уровнем).

Но своеобразие этого соответствия в том, что за первым максимумом стоит реальный продукт определенной величины (полезности), в то время как второй выражает не эту величину, а некое условие, при котором она достигается. В данном ее значении прибыль вообще не измеряет непосредственно ни объема, ни полезного эффекта производимого продукта или какой-либо его части. Она служит лишь расчетным инструментом, позволяющим на стадии разработки народнохозяйственного плана оценить сравнительную эффективность вариантов удовлетворения данных потребностей — при заданных производственных ресурсах и данном распределении доходов. Поэтому такая прибыль, что уже отмечалось, не может рассматриваться как реальная экономическая категория, ее нельзя считать объектом планирования и содержательной целью хозяйственной деятельности общества. Ведь в оптимальном режиме функционирования экономики исключаются ее положительные значения. Нетрудно видеть, что в экономико-математической теории экономический эффект и прибыль выступают как категории *разного порядка*: первый служит целью, а вторая — средством планирования. С этой точки зрения они, очевидно, несопоставимы.

Едва ли можно возражать против выдвигаемого данной теорией понимания экономического эффекта социалистического производства. Оно сочетает очевидные требования к объему и составу чистого продукта общества и полностью соответствует целям хозяйственной деятельности при социализме, состоящим в удовлетворении народных потребностей. Очевидны и возможности экономического анализа, открываемые концепцией нулевой рентабельности. В то же время надо принимать во внимание

известную ограниченность этой концепции, формулируемой в рамках статической народнохозяйственной модели, на основе которой невозможны суждения о динамике экономического эффекта производства. Такая модель позволяет сопоставлять варианты плана, предусматривающие удовлетворение одних и тех же потребностей, и только при этой предпосылке имеют смысл используемые в модели понятия относительной эффективности и соответствующей ей рентабельности плановых вариантов. Если же сравниваются экономические ситуации с разной структурой и интенсивностью потребностей, то эти понятия утрачивают свой первоначальный смысл, и критерий нулевой прибыли неприменим. Чтобы судить о сравнительной эффективности производства в подобных случаях, потребовалась бы оценка самих потребностей — задача, пока не решенная экономической наукой и, по-видимому, выходящая за ее пределы. Это обстоятельство объясняет существенные трудности измерения динамики экономического эффекта: в динамическом разрезе как раз типичны хозяйственные ситуации с разными потребностями — в связи с постоянным развитием и изменением последних.

Эти соображения возвращают нас к мнению о проблематичности возможностей измерения экономического эффекта общественного производства каким-либо одним синтетическим показателем, в том числе и показателем национального дохода. По-видимому, существующий уровень знаний позволяет лишь приближенные оценки, с помощью разных показателей, включающие и качественные суждения, например, о характере подлежащих удовлетворению потребностей. Очевидна важная роль показателей физического объема продукта при оценке динамики производства: они характеризуют рост производительности экономической системы, увеличение выпуска продукции на основе расширения объема используемых ресурсов и повышения их продуктивности. А увеличение количества благ, при наличии неудовлетворенной потребности в них, означает и повышение экономической эффективности производства. Но показатели физического объема имеют существенный недостаток: они не отражают эффекта структурных изменений в производстве и потреблении.

Если же измеряется не физический объем, а полезный эффект продукта, то возможна, как мы видели, оценка лишь относительной эффективности вариантов производства, удовлетворяющих одних и тех же потребностей. Дело в том, что полезность благ проявляется по отношению к потребностям в них — вне этой потребности ее просто не существует. «Полезность какого-либо сочетания благ есть величина, которая обладает свойством принимать тем большие значения, чем в большей мере это сочетание оказывается предпочтитель-

ным...»⁹. Предпочтения «логически предшествуют функции полезности... Одна альтернатива имеет большую полезность, чем другая, потому, что она предпочтительнее, но не наоборот»¹⁰. Это значит, что в ситуациях с разной системой предпочтений (потребностей) одно и то же количество одних и тех же благ имеет разную полезность, т. е. разной является единица ее измерения. Поэтому критерий полезности здесь неприменим для оценки сравнительной эффективности производства. Такая оценка становится возможной лишь тогда, когда сравниваются ситуации с одинаковой структурой и интенсивностью потребностей. Стало быть, она является оценкой относительной предпочтительности вариантов производства, но не абсолютной их эффективности, пригодной для динамических сопоставлений.

Таким образом, оценка эффективности общественного производства должна по необходимости базироваться на обоих указанных подходах. А показатели физического объема продукта и его полезного эффекта следует рассматривать не как конкурирующие, а скорее как дополняющие друг друга. При этом надо избегать двух крайностей: отождествления физической производительности и экономической эффективности производства, как и сведения последней к рациональному межотраслевому распределению ресурсов. Поскольку совокупный экономический эффект, особенно его динамику, нельзя выразить единым синтетическим показателем, приходится прибегать тем большее число показателей, чем больше требуемая точность оценки. Во всех случаях очевиден ее приближенный характер.

Резюмируем все сказанное. Понимаемая в виде разницы между ценой и себестоимостью общественного продукта, прибыль измеряет только часть экономического эффекта социалистического производства, соответствующую стоимости прибавочного продукта¹¹. А поскольку определение пропорции между необходимым и прибавочным продуктом предшествует формированию рентабельности народного хозяйства, последняя выражает уже частично распределенный эффект производства и поэтому не отражает его действительной динамики. В экономико-математической концепции оптимального планирования прибыль вообще не измеряет никакой части общественного продукта — ведь в оптимальном плане максимуму полезной продукции соответствует полное отсутствие прибыли. Она служит здесь условным показателем, характеризующим относительную эффективность вариантов производства для одного и того же расчетного периода, но не

⁹ Слуцкий Е. Е. К теории сбалансированного бюджета. — В кн.: Экономико-математические методы. Вып. 1. Народнохозяйственные модели. Теоретические вопросы потребления, с. 243.

¹⁰ Льюис Р., Райфа Х. Игры и решения. М., Изд-во иностр. литературы, 1961, с. 57—58, 66.

¹¹ С учетом оговорок, сделанных на стр. 228.

динамику его эффективности. Таким образом, в обоих указанных значениях прибыль не может рассматриваться в качестве единого показателя экономического эффекта социалистического производства. И в том, и в другом она является лишь одним, причем вспомогательным, показателем для оценки этого эффекта.

2. ПРИБЫЛЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ХОЗРАСЧЕТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Выводы, сделанные в предыдущем параграфе, в некоторой части приложимы и к показателю прибыли хозрасчетного звена производства. Они справедливы в полной мере по отношению к понятию прибыли хозрасчетного предприятия в ее экономико-математической интерпретации: в концепции нулевой рентабельности соотношение экономического эффекта и прибыли на уровне общественного производства в целом и отдельных его подразделений одинаково. В условиях предприятия особенно очевидна невозможность руководствоваться в ходе хозяйственной деятельности критерием прибыли в данном ее понимании. Ведь речь идет о величине, максимальное значение которой в оптимальном режиме хозяйственного процесса равно нулю и отсутствие которой является условием оптимальности этого процесса. Положительные значения она может принимать лишь в результате обстоятельств, не учтенных при составлении плана, и тем большие, чем менее точными оказываются его проектировки. Источником такой прибыли служит неопределенность, неполнота информации на стадии разработки плана, поэтому едва ли можно говорить о ее максимизации и рассматривать ее в качестве сознательной цели хозяйственной деятельности производственных коллективов. Применительно к хозрасчетному предприятию природа рассматриваемого условного показателя, лишенного черт реальной экономической категории, проявляется особенно рельефно.

В самом деле, этот показатель нельзя считать категорией хозяйственного расчета, объясняющей данный метод ведения хозяйства на социалистическом предприятии и выражающей его конституирующие признаки. Ведь он не отражает реального оборота средств хозрасчетного предприятия, движения его финансовых ресурсов в про-

цессе взаимоотношений с поставщиками сырья и покупателями продукции, возмещения стоимости потребленных средств производства и трудовых затрат, формирования чистого дохода и его распределения между предприятием и государственным бюджетом. Нулевая прибыль, очевидно, не может служить источником средств для расширения производства на предприятии (капитальных вложений и прироста оборотных средств) и образования фондов экономического стимулирования. Поэтому с ней невозможно связать экономическую заинтересованность предприятия в развитии производства и материальную заинтересованность его коллектива в улучшении результатов хозяйственной деятельности. На базе такой прибыли невозможно построить какую-либо систему взаимоотношений предприятия с государственным бюджетом: она не может быть ни объектом обложения, ни источником государственных доходов. Короче говоря, основные принципы хозрасчета как метода ведения хозяйства трудно состыковать с обсуждаемым значением понятия прибыли. Такая прибыль, как говорилось, служит лишь расчетным инструментом, позволяющим на стадии разработки плана оценить относительную эффективность статических хозяйственных решений. Но не это главное. Каковы предпосылки народнохозяйственной модели, в рамках которой критерий нулевой прибыли выполняет названную функцию, и что понимается в ней под экономическим оптимумом?

Это экономико-математическая модель с глобальным критерием оптимальности (целевой функцией благосостояния), на основе которой рассчитываются двойственные оценки ресурсов и продуктов, принимаемые в качестве их цен. Измеряемая в этих ценах прибыль считается локальным критерием оптимальности, и, максимизируя ее, самостоятельные в своих решениях хозрасчетные предприятия приводят хозяйственную систему в состояние, полагаемое народнохозяйственным оптимумом. Это же состояние хозяйства описывается моделью конкурентного равновесия, в которой оно достигается в результате действий независимых товаропроизводителей, направляемых стремлением к максимуму прибыли. Предпосылки обеих абстрактных схем идентичны: самодействие автономных участников хозяйственного процесса, исчерпывающая информация у них об экономической конъюнктуре и мгновенная реакция на ее изменения, линейная технология (постоянная де-

ходность), независимость цен от объемов производства, контролируемых каждым производителем, и др. Одинаковы и свойства цен в этих схемах: «Экономико-математические модели конкурентного равновесия свидетельствуют о том, что при предположении выпуклости и непрерывности функций, описывающих экономические процессы, равновесные цены обеспечивают условия, при которых независимые хозяйствующие субъекты, максимизируя свой доход, автоматически максимизируют общий суммарный доход всего народного хозяйства. Таким образом, равновесные цены обладают теми же свойствами, что и объективно обусловленные оценки в задачах оптимального планирования... То, что в условиях полного хозрасчета осуществляется путем экономической игры хозяйственных субъектов, при составлении оптимального плана рассчитывается на электроно-вычислительных машинах»¹².

Все это верно, как и то, что экономическая игра независимых хозяйствующих субъектов и имитирующие ее расчеты на ЭВМ результируются состоянием народного хозяйства, крайне далеким от действительного оптимума. К тому же обе указанные модели неидентифицируемы в связи с нереалистичностью их основных предпосылок: ни выпуклости и непрерывности функций, описывающих хозяйственные процессы, ни других названных выше посылок в действительности нет. Поэтому максимизирующие прибыль товаропроизводители вовсе не максимизируют автоматически суммарный доход народного хозяйства. Этот вопрос уже рассматривался нами, и можно к нему не возвращаться. Приходится, таким образом, расстаться с порождаемой подобными моделями иллюзией о возможности измерения народнохозяйственной эффективности предприятия с помощью одного единственного показателя — прибыли.

Идея эта, конечно, заманчива, а потому живуча. «Если цель общества едина и может быть сформулирована в виде одного народнохозяйственного критерия оптимальности, то должны быть единственным образом определены критерии всех звеньев народного хозяйства... Множественность показателей для оценки деятельности хозяйственных объектов противоречит не только принципу оптимальности, но и здравому смыслу. Каждый работник или коллектив, оцениваемый несколькими показателями, поставлен перед необ-

¹² Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. М., «Мысль», 1974, с. 79, 84.

ходимостью как-то соизмерять эти показатели, без чего невозможно принимать хозяйственные решения. То, что это соизмерение осуществляется не в явном виде, а стихийно, в зависимости от ситуации, лишь затрудняет хозяйственное руководство»¹³.

Но ведь единый народнохозяйственный критерий не только не сформулирован, но и не доказана теоретическая возможность его построения. Не определен единственным образом и локальный критерий оптимальности — предложенный автором приведенной цитаты показатель, как мы видели, также не выполняет этой роли. В этих условиях множественность показателей противоречит не принципу оптимальности, а только той постановке экономических задач, которую допускает существующий математический аппарат, позволяющий находить экстремум одной целевой функции. Здравый смысл подсказывает не подгонку реальной экономики под имеющиеся математические методы, а поиск новых, более мощных методов, для решения новых классов экономических задач. «Математика, — справедливо отметил академик С. Г. Струмилин, — прекрасно решает экстремальные задачи на минимум и максимум. Но кроме этих крайних понятий бесспорного значения существует еще одно, менее определенное, но гораздо более важное в применении к задачам социально-экономического порядка. Это понятие оптимума. Оно вовсе не однозначно с понятиями максимума или минимума какой-нибудь одной избранной функции... Лучше обогащать математику решением новых для нее задач, чем обеднять экономику, упрощая эти задачи применительно к наличию ресурсов математики»¹⁴.

С этим нельзя не согласиться. Некоторые из представителей экономико-математического направления уподобляются пифагорейцам, отыскивавшим в реальном мире аналоги абстрактных математических понятий.

Представляется вообще малообоснованным мнение, что в любой экономической ситуации может быть однозначно определен и количественно выражен единый критерий оптимальности. В действительности такая возможность зависит от степени структуризации решаемой проблемы. Хозяйственные проблемы в большей своей части относятся к слабоструктурированным, содержащим значительный элемент неопределенности (неполноты знания). Это существенно усложняет задачи планирования и управления хозяйственными организациями и прежде всего в связи с невозможностью сведения ее многочисленных целей к единому показателю с помощью одной шкалы измерений. В большинстве случаев оказываются необходимыми качественные экспертные оценки. Здесь на помощь приходит системный анализ, выработавший понятия векторной оптимизации и векторных критериев оптимальности. «Основная количественная составляющая методов анализа заключена в широком использовании различных критериев, или точнее говоря, показателей качества различных альтернатив решения стоящей задачи. Системный анализ

¹³ Пугачев В. Ф. Локальный критерий и стимулирование работников в оптимальной экономической системе. — «Экономика и математические методы», 1966, т. II, вып. 5, с. 657, 672.

¹⁴ Струмилин С. Г. Общественный прогресс в СССР за 50 лет. — «Вопросы экономики», 1969, № 11, с. 69.

четко указал на то, что любой показатель качества не может полностью адекватно характеризовать все многообразие отношений к рассматриваемой альтернативе и сделал упор на необходимость использования векторных критериев качества.... Признание неизбежной векторности показателей качества повлекло за собой и определенные сдвиги в отношениях к проблеме поиска решения. Если совсем еще недавно центральное место в науках синтеза занимал принцип оптимизации, тербующий поиска наилучшей альтернативы, то в последнее время все большее значение приобретает принцип удовлетворения, требующий лишь поиска альтернативы, удовлетворяющей всем ограничениям на различные показатели качества»¹⁵.

Таким образом, то обстоятельство, что хозяйственная организация как-то соизмеряет разные показатели качества альтернатив, вовсе не означает, что этот процесс может быть полностью формализован и подчинен единому критерию оптимальности. В действительности при этом используются и экспертно-интуитивные, эвристические методы, и они всегда будут необходимы — в связи с неустранимостью фактора неопределенности в экономической жизни. Поскольку хозяйственная организация — сложная система, к ней вполне применимо следующее представление: «Более общей целью системы, чем некоторый оптимум, является ее *выживание*, т. е. принадлежность состояния системы некоторому заданному множеству возможных изменений окружающей среды»¹⁶. По-видимому, это более богатое, а вместе с тем и более реалистическое представление о функции «полезности» хозрасчетного звена производства; оно не сводит ее к максимуму прибыли.

Обратимся теперь к другому значению понятия прибыли. Рассмотрим народнохозяйственную модель, в которой максимизируется национальный доход, а прибыль понимается как разность между выручкой от реализации продукции и ее себестоимостью¹⁷. С интересующей нас точки зрения здесь также возможна известная аналогия между народным хозяйством и отдельными его хозрасчетными подразделениями. Как и в масштабах всего хозяйства, прибыль предприятия представляет только часть его чистой продукции и отражает ее полезный эффект в той мере, в какой цены реализации учитывают соответствие производимой продукции существующим потребностям. Она также не выражает всего производственного эффекта

¹⁵ Емельянов С. В., Нанпельбаум Э. Л. Основные принципы системного анализа. — В кн.: Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью. М., «Экономика», 1974, с. 98.

¹⁶ Математика и кибернетика в экономике. Словарь-справочник. М., «Экономика», 1975, с. 68.

¹⁷ Здесь и далее под прибылью понимается вся сумма денежных накоплений, без вычисления налога с оборота.

в связи с использованием его части для повышения уровня оплаты труда, как и вследствие возможности капиталоемкого и капиталозаконоomicного типа развития. Но значит ли это, что и на уровне хозрасчетного предприятия прибыль не может служить главной мерой экономического эффекта? Нет ли на этом уровне особенностей в условиях формирования прибыли, позволяющих считать ее такой мерой?

В научной литературе на этот вопрос даются разные ответы. Некоторые авторы, как мы видели, признают за прибылью роль лишь вспомогательного оценочного показателя, дополняющего главный — чистую продукцию. Тем самым предполагается возможность распространения на все уровни народного хозяйства показателя эффективности высшего уровня. Эта гипотеза обосновывается обычно лишь интуитивными соображениями и общими рассуждениями о единстве социалистического народного хозяйства. На наш взгляд, такое единство еще не дает оснований предполагать существование единого на всех уровнях измерителя экономического эффекта и рассматривать макроэкономические показатели как механическую сумму показателей микроэкономического уровня. В данном случае особенно важно различать понятия критерия и выражающих его показателей. Единство народного хозяйства при социализме порождается общественной собственностью на средства производства и проявляется в единстве экономических интересов всех его участников, оно открывает возможность планомерного, направленного к общей цели и поэтому руководящегося единым критерием развития производства. Но это не означает, что экономические показатели на разных уровнях управления народным хозяйством должны быть одинаковыми. Не могут служить обоснованием сквозных показателей и соображения о практических удобствах народнохозяйственного учета, о «сводимости» этих показателей. Как бы ни была заманчива эта идея, она нуждается в более солидном обосновании.

Проблема оценки эффективности производства на разных уровнях хозяйствования не может быть решена путем лишь агрегирования и дезагрегирования одних и тех же плановых и статистических показателей. Существуют еще различия условий формирования этих показателей на разных уровнях, требующие разного подхода к измерению экономического эффекта на каждом из них. Некоторые

итоговые показатели применимы лишь на определенных «этажах» экономики, на известном уровне хозяйственного руководства. Например, не все экономические показатели работы хозрасчетного предприятия могут быть распространены на цеха, участки и другие его внутренние подразделения. Специфика внутризаводского хозрасчета объясняется не практическими трудностями организации соответствующего учета, а различием показателей, отражающих конечные результаты хозяйственной деятельности предприятия и работы его отдельных подразделений. Здесь также имеется единство экономических интересов, но оно не равнозначно сквозному характеру всех плановых и отчетных показателей. Экономически обособленной производственной единицей, реализующей готовую продукцию и получающей прибыль, выступает предприятие, и только применительно к нему возникают эти понятия и соответствующие им показатели. Можно и нужно, конечно, измерять вклад каждого подразделения в общие результаты работы предприятия — для этого существует система показателей, дифференцированных по уровням внутризаводского хозрасчета. Но нельзя, очевидно, измерить этот вклад теми же показателями, которые выражают общие итоги деятельности предприятия.

Подобного рода проблема возникает и в более сложной системе «народное хозяйство — предприятия». Известно, что на практике обобщающей мерой результатов общественного производства служит чистый продукт (национальный доход), а для оценки эффективности производства в хозрасчетных звеньях используется система показателей, в том числе прибыль как обобщающий показатель. Между тем чистую продукцию предприятия нетрудно исчислить, и, казалось бы, она может и должна заменить прибыль в названной ее роли — именно это предлагается многими экономистами. Так в чем же дело, неужели только в косности хозяйственной практики?

Нам кажется, что нет. Действительной причиной является существенное отличие в постановке проблем оценки эффективности в масштабах народного хозяйства и предприятия. Чистая продукция предприятия может расти при разном сочетании прибыли и заработной платы, в том числе за счет неоправданного увеличения последней, т. е. превышения общественных норм оплаты труда. В этом случае она неверно отражает вклад предприятия в сум-

марный эффект общественного производства. Как говорилось ранее, критерий чистого продукта является относительным: максимум национального дохода должен совмещаться с оптимальной нормой накопления. Определение этой нормы, пропорции между необходимым и прибавочным продуктом — прерогатива центральных органов хозяйственного руководства, и ее нарушения со стороны предприятия означают, что его чистая продукция перестает служить показателем приносимого им народнохозяйственного эффекта. Возможность таких нарушений вполне реальна — в связи с относительным экономическим обособлением хозрасчетных предприятий и наличием у них самостоятельных экономических интересов.

С этой точки зрения преимущества показателя прибыли очевидны: именно он контролирует соблюдение названной пропорции. В то же время он обладает и всеми оценочными свойствами показателя чистой продукции, так как в равной с ним мере реагирует на изменения объема производства и уровня материальных затрат. Но кроме того, он стимулирует экономию затрат живого труда и выражает результаты производства на предприятии с учетом этого немаловажного фактора, что дает основания рассматривать его как более синтетический показатель экономического эффекта, учитывающий все его основные слагаемые. Поэтому вполне мыслима теоретическая модель социалистического хозяйства, в которой рентабельность играет роль главной, а в ряде случаев — решающей меры экономической эффективности хозрасчетного звена производства. Но именно хозрасчетного звена, а не общественного производства в целом.

На высшем уровне руководства плановым хозяйством, как отмечалось, рентабельность не может служить решающим критерием выбора вариантов развития производства. Наиболее эффективным из них является тот, который обеспечивает максимум национального дохода, и только после того как он определен, решается вопрос о распределении национального дохода на фонд оплаты труда и прибыль. Для предприятия же эта пропорция является заданной, и при фиксированном таким образом уровне оплаты труда приросту прибыли соответствует приращение национального дохода. Такая роль прибыли хозрасчетного предприятия иногда объясняется тем, что в масштабах народного хозяйства заработная плата — часть

национального дохода, а для предприятия она выступает как расход, включаемый в состав издержек производства. Но заработная плата на предприятии — также часть его валового дохода, а для народного хозяйства она тоже расход, исключаемый при определении чистого дохода общества. Различие здесь только в том, что на разных уровнях хозяйствования различна компетенция в определении уровня оплаты труда; кроме того, у предприятия имеются относительно самостоятельные экономические интересы, которые должны направляться в русло народнохозяйственных. Этим и обусловлено неодинаковое значение показателя прибыли для оценки эффективности общественного производства и его хозрасчетных звеньев.

В рассматриваемой экономической модели рентабельность выполняет функцию важного синтетического показателя эффективности хозрасчетного объекта. Но модель эта статическая, поэтому названный показатель пригоден главным образом для оценки эффективности текущих хозяйственных решений. В динамическом разрезе уровень оплаты труда на предприятии становится переменной величиной, в связи с чем изменения рентабельности не характеризуют действительной динамики экономической эффективности¹⁸. Это обстоятельство ограничивает роль показателя прибыли в основном областью краткосрочных решений. Но и это немаловажная область, если учесть, что речь идет о социалистическом предприятии, работающем в условиях планового хозяйства, где важнейшие долговременные решения стратегического характера принимаются центральными органами хозяйственного руководства. Надо принять также во внимание, что в данной экономической схеме прибыль играет роль главного, но не единственного показателя эффективности предприятия.

Категория прибыли в том значении, которое мы придаем ей сейчас, органически увязывается с системой хо-

¹⁸ «Однако уровень рентабельности, взятой за ряд лет, — справедливо отмечает Б. Плышевский, — не дает точной картины роста эффективности производства не только в народном хозяйстве, но и в отрасли и на предприятии. На этот уровень действуют те же факторы, которые не позволяют считать рентабельность показателем эффективности всего общественного производства (неполный учет чистого дохода, возможность капиталоемкого и капиталозкономичного типа развития, реализация части полученного эффекта в виде роста заработной платы)» (Плышевский Б. П. Экономический рост и эффективность. М., «Экономика», 1968, с. 62).

зяйственного расчета, с его основными признаками. Такая прибыль служит показателем эффективности хозрасчетного предприятия, источником расширения производства и образования фондов экономического стимулирования, как и источником формирования общегосударственных доходов. Иными словами, она является реальной финансовой базой хозрасчетной самостоятельности предприятия и средством осуществления принципов самокупаемости и материальной заинтересованности. Поэтому она может рассматриваться в качестве центральной категории хозяйственного расчета. Очевидно, что укрепление и развитие его принципов неразрывно связаны с совершенствованием методов формирования, распределения и использования прибыли. Во-первых, чем более точно она измеряет экономический эффект производства на предприятии, тем в большей мере может служить критерием выбора хозяйственных решений. Этот аспект вопроса выдвигает на первый план проблему совершенствования цен и самих принципов ценообразования. Во-вторых, возможности использования прибыли для оценки качества работы хозрасчетных коллективов находятся в прямой зависимости от степени хозяйственной самостоятельности предприятия. Ведь поощрять за эффективные экономические решения и возлагать ответственность за неэффективные можно только тогда, когда эти решения принимаются предприятием самостоятельно. В-третьих, экономическая заинтересованность предприятия в росте прибыли тем больше, чем шире возможности ее использования для расширения производства на предприятии, т. е. чем полнее реализуется принцип самокупаемости хозрасчетного звена. В-четвертых, материальная заинтересованность хозрасчетных коллективов в повышении рентабельности производства обуславливается связью между размерами прибыли и величиной поощрительных фондов. Усилить такую заинтересованность — значит повысить роль прибыли в качестве фондообразующего показателя и усовершенствовать методы формирования фондов поощрения за счет прибыли. В-пятых, укрепление хозрасчета связано с дальнейшей рационализацией действующего порядка взаимоотношений производственных предприятий с финансовой и кредитной системой на базе прибыли. Финансовая политика социалистического государства, как отмечалось ранее, выполняет важные

общэкономические функции, и методы и формы мобилизации денежных накоплений хозяйства в общегосударственные фонды денежных средств должны строиться таким образом, чтобы обеспечить одновременно и устойчивую базу доходов государства, и заинтересованность хозрасчетных звеньев производства в повышении рентабельности. Эффективность государственной кредитной политики в большой мере определяется степенью реализации принципа преимущественного кредитования наиболее рентабельных хозяйственных объектов. Таким образом, по существу все основные направления укрепления и развития хозяйственного расчета затрагивают так или иначе проблему формирования и использования прибыли.

Напомним еще раз, что речь идет об общей (балансовой) прибыли хозрасчетного предприятия. В экономической литературе последних лет на первый план обычно выдвигается понятие чистой прибыли, с которой связывается проблема оценки экономической эффективности производственных объектов. Считается, что именно чистая прибыль характеризует эту эффективность, поскольку другая часть общей прибыли выражает нормативный эффект использования ресурсов, который нельзя ставить в заслугу хозрасчетным коллективам. Нам кажется, что при такой постановке проблемы смешиваются разные ее аспекты: об измерении экономического эффекта, отдачи производственного объекта и об оценке качества работы занятого на нем коллектива трудящихся. В первой части книги уже говорилось о том, что это разные задачи экономических измерений. Вопросы управления народным хозяйством не сводятся к сравнительной оценке производственных достижений трудовых коллективов и организации экономического стимулирования. Такие важные задачи планового управления, как определение темпов роста, отраслевых и территориальных пропорций народного хозяйства, доходов государственного бюджета и других звеньев финансовой системы и т. д. требуют расчета полной, реальной отдачи всех производственных объектов, а не только той ее части, которая является результатом трудовых усилий хозрасчетных коллективов. «Приведение» экономических показателей, как отмечалось, основано на концепции обратной связи, которая в условиях действующего производства имеет ограниченное значение. Оно совершенно необходимо на стадии планово-проект-

ных расчетов, так как позволяет оценить сравнительную эффективность вариантов распределения ресурсов между разными назначениями на том этапе плановой работы, когда имеется возможность такого распределения. Не случайно, что практика активно применяет приведенные показатели («срока окупаемости», приведенных затрат и др.) именно на этой стадии экономических расчетов. В условиях же функционирующего производства далеко не всегда имеются предпосылки, на которых основана сама идея обратной связи между затратами и результатами производства в различных его звеньях.

Таким образом, именно общая прибыль служит выражением приносимого хозрасчетным предприятием экономического эффекта. Что касается чистой прибыли, то прежде всего надо уточнить, что понимается под нею. Если иметь в виду, как это нередко делается, исчисляемую на практике расчетную прибыль, то ее роль заключается в оценке не всего эффекта производства на предприятии, а той его части, которая зависит от качества работы данного трудового коллектива. Это весьма важная хозрасчетная функция, но расчетная прибыль не может рассматриваться как единственное основание для коллективного экономического стимулирования. Увеличение масштабов производства при вовлечении в него новых ресурсов, используемых с нормативной эффективностью, получает отражение в росте общей прибыли, поэтому ее также нельзя игнорировать при оценке работы предприятий.

Показатель расчетной прибыли на практике выполняет как раз названную выше функцию: он применяется для расчета размеров фонда материального поощрения. Экономическое содержание этого показателя своеобразно, он как бы занимает промежуточное положение между общей и чистой прибылью (в оптимальном плане равной нулю). Ведь он формируется в виде разницы между общей прибылью и платежами за некоторые ресурсы, причем эта разность составляет, как правило, большую часть общей прибыли. А указанные платежи не отражают нормативной эффективности использования ресурсов: плата за фонды, по общему мнению, завышена, а рентные (фиксированные) платежи далеко не всегда имеют рентную природу и используются обычно лишь как метод выравнивания рентабельности. В этих условиях расчетная прибыль не обладает всеми свойствами ни общей, ни чистой прибыли

в строгом смысле последнего понятия. Введение этого показателя, на наш взгляд, улучшило практику экономического стимулирования в промышленности, так как неполный учет объективных различий в условиях производства все же предпочтительнее, чем отсутствие всякого учета. Но этому показателю нельзя приписывать роли измерителя экономического эффекта производства на хозрасчетном предприятии.

Между тем в экономической литературе встречаются и такие попытки. Некоторые авторы не различают понятий чистой и расчетной прибыли и предлагают последнюю принять за базу для оценки эффективности хозрасчетного предприятия и образования фондов экономического стимулирования¹⁹. Но такое предложение находится в противоречии с теоретическими основаниями той общей концепции, в рамках которой оно выдвигается — экономико-математической модели оптимального функционирования экономики. Эта модель предусматривает платность всех видов ресурсов, а в оптимальном хозяйственном режиме — нулевую разность между общей прибылью и платежами за ресурсы, т. е. отсутствие какой-либо расчетной прибыли, за счет которой можно было бы формировать поощрительные фонды. Если же предполагается наличие положительной чистой прибыли, на основе которой возможно судить об эффективности (тем более о ее динамике) хозрасчетного предприятия и которая служит источником образования фонда поощрения, то это уже другая концепция и другая народнохозяйственная модель. Но тогда надо объяснить экономическое содержание такой прибыли и обосновать правомерность измерения с ее помощью экономического эффекта производства. Такое обоснование, как мы думаем, едва ли возможно.

Целесообразность учета объективных различий в условиях производства при оценке качества работы хозрасчетных коллективов не нуждается в доказательствах, и хозяйственная практика, как говорилось, развивается именно в этом направлении. Но если идею, скрывающуюся за показателем расчетной прибыли, довести до ее логического конца, то мы придем все к той же концепции нулевой прибыли. Тогда возникают называвшиеся выше

¹⁹ Петраков Н. Я. Кибернетические проблемы управления экономикой. М., «Наука», 1974, с. 127, 137.

трудности в планировании и оценке итогов хозяйственной деятельности предприятий на основе показателя нулевой прибыли. Как отмечалось, прибыль, являющаяся только результатом отклонений от оптимального режима работы, не может быть объектом планирования и целью хозяйственной деятельности, основанием для оценки ее итогов и источником материального поощрения. Она не «вписывается» в общую схему хозяйственного расчета. Но следует ли отсюда, что рассматриваемая концепция вообще неоперациональна и не может быть использована для совершенствования системы хозрасчета и, в частности, для улучшения методов измерения трудовых достижений хозрасчетных коллективов?

Мы бы воздержались от такого утверждения. Во-первых, экономико-математические методы оптимизации производственных планов, связанные с понятием нулевой рентабельности, уже находят определенное применение на практике. На основе этого понятия, как отмечалось ранее, конструируется расчетный показатель для оценки сравнительной эффективности плановых вариантов. Во-вторых, развитие экономической теории подсказывает направление анализа, позволяющее углубить концепцию нулевой рентабельности и в то же время приблизить ее к условиям реальной хозяйственной практики. Замена некоторых упрощенных посылок данной концепции на более реалистические может стать основой для ее развития в содержательную теорию чистой прибыли, связывающую происхождение этой части дохода предприятия не с отклонениями от оптимального режима хозяйствования, а с самим этим режимом. Поясним сказанное.

Понятие нулевой прибыли возникает в экономико-математической модели оптимального плана (как и в модели конкурентного равновесия), предусматривающей распределение всей суммы денежных накоплений хозяйства — разницы между ценой и себестоимостью продукции — в виде оценок соответствующих производственных факторов, представляющих нормативный эффект их использования. Чистый доход предприятия как бы вмещается указанным факторам, учитываемым в составе производственной функции. В результате такой процедуры не остается никакой части чистого дохода, которая могла бы быть отнесена за счет еще одного фактора, не учитываемого этой функцией, но играющего весьма важную роль в повышении эффектив-

ности производства, создании чистого дохода. Предприятие представляется в данной концепции как производственная единица с идеальной внутренней организацией (способностью мгновенно реагировать на изменения хозяйственной конъюнктуры и наилучшим образом приспособляться к ней), располагающая исчерпывающей информацией как об экономической обстановке, так и о всех возможных способах производства нужной народному хозяйству продукции. Такой подход не учитывает необходимости затрат, связанных с получением информации и созданием соответствующей организации. При этих предпосылках предприятие вообще не должно принимать решений, здесь, по существу, нет альтернатив: оптимальные хозяйственные решения однозначно определяются условиями задачи. Тогда неясно, о какой творческой инициативе трудовых коллективов может идти речь и как можно различать качество работы разных коллективов.

Но дело в том, что указанные предпосылки — полная информация и идеальная организация, позволяющая оптимально использовать ее, — не существуют в условиях реальной хозяйственной жизни. Факторы информации и организации, понимаемые в широком смысле, не являются независимыми от самих хозрасчетных коллективов. Напротив, они образуют область существенных различий между ними — различий, характеризующих разную способность выдвижения и реализации новых технических, экономических и административных решений. Сюда относятся решения о значительных изменениях технологии, о выборе вариантов используемой техники и видах взаимозаменяемых материалов, о коренных изменениях организационной структуры управления и его методах, а в ряде случаев — об объемах и составе выпускаемой продукции. Все эти и многие другие решения можно объединить понятием предпринимательской функции социалистического предприятия.

Очевидно, что изменения в способностях выполнять эту функцию ведут к соответствующим изменениям производственной функции предприятия, понимаемой в широком смысле, и порождают проблемы, аналогичные проблемам, связанным с технологическими изменениями. В самом деле, если улучшения в технологии, выражающиеся в новой комбинации производственных факторов, обеспечивают больший выпуск продукции, означают и квали-

фиксируются как изменение производственной функции, то изменения организационного и институционального характера также могут приводить к такому результату. И если они не рассматриваются обычно как изменения производственной функции, то лишь потому, что в общепринятой ее трактовке учитываются не все стороны деятельности, не все аспекты функционирования предприятия как организационной единицы, принимающей самостоятельные хозяйственные решения²⁰. Существующая классификация производственных факторов — аргументов рассматриваемой функции, — видимо, недостаточна; она игнорирует весьма важный фактор творческой инициативы, социалистической предприимчивости, который, по существу, олицетворяет динамические качества хозрасчетного предприятия в условиях планового хозяйства. Значение этого фактора подчеркивалось на XXV съезде КПСС: «В совершенствовании хозрасчетного механизма, — говорил в докладе на съезде А. Н. Косыгин, — партия всегда отводила важную роль развитию инициативы и социалистической предприимчивости хозяйственных кадров. Активное использование новых научных и технических решений, передовых приемов организации труда и управления, творческий поиск резервов производства, внимательный учет изменяющихся потребностей и спроса — вот что требуется от современного советского хозяйственника»²¹.

При такой постановке вопроса выясняется, что процесс постепенного ограничения понятия прибыли, который получил завершение в экономико-математической концепции нулевой рентабельности, по-видимому, зашел слишком далеко. Распределение чистого дохода предприятия в виде функциональных доходов факторов производства, учитываемых в составе производственной функции, —

²⁰ «Экономическая теория — пишет Т. Купманс — страдает тем, что рассматривает производственную функцию как область своей компетенции. Без более основательного анализа возможностей выбора, открывающихся перед производственным предприятием, предписываемый экономистами тезис о максимизации прибыли является неоперациональным (non-operational) и его предполагаемая адекватность реальной действительности не поддается эмпирической проверке (Koopmans T. C. Three Essays on the State of Economic Science. N. Y., Mc. Graw-Hill Book Company, 1957, p. 70).

²¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 133.

процедура, приводящая к «исчезновению» прибыли, — игнорирует самостоятельную роль не включаемого в эту функцию весьма важного фактора. В результате экономического эффекта, получаемый благодаря творческой инициативе производственных коллективов, «растворяется» в составе нормативного эффекта от использования учитываемых производственных факторов и приписывается им; фактическая же прибыль, принимающая положительные значения, рассматривается как разница между фактическим и планируемым чистым доходом, т. е., по существу, как порождение неопределенности и неточности плановых проективов.

Но при более обоснованной и четкой классификации аргументов производственной функции, включающей и называвшийся выше полноправный производственный фактор, прибыль уже не «исчезает» и из дохода остаточного превращается также в доход функциональный, служащий мерой творческой активности, предприимчивости хозрасчетных коллективов. Эти качества проявляются в способности получать нужную информацию, перерабатывать и использовать ее в целях повышения экономической эффективности производства, в способности создать организационную структуру, наилучшим образом приспособленную к выработке эффективных хозяйственных решений. Такая прибыль была бы надежной основой для сравнительной оценки качества управления предприятиями, т. е. той доли производственного эффекта, которая определяется трудовыми усилиями участвующих в этом процессе производственных коллективов. На базе такой прибыли возможна и эффективная система стимулирования их творческой активности.

Совершенствование методов планирования и учета прибыли в указанном направлении потребует более основательной разработки некоторых разделов экономико-математической теории социалистической производственной организации. Используемый этой теорией принцип нулевой рентабельности можно, видимо, считать отправным пунктом анализа, нуждающегося в соответствующих дополнениях и дальнейшем развитии.

Подведем некоторые итоги. Хозрасчет как метод управления социалистическими предприятиями, основанный на использовании экономических рычагов, неразрывно связан с категорией прибыли. В качестве важной меры

экономического эффекта производства на предприятии выступает общая прибыль, понимаемая в виде разницы между ценой и себестоимостью продукции и, разумеется, измеряемая в экономически обоснованных ценах, учитывающих соответствие производимой продукции потребностям общества. В проектно-плановых расчетах для определения народнохозяйственного эффекта будущих вложений средств на первый план выдвигается понятие приведенной или чистой прибыли, исключаяющей нормативный эффект использования ресурсов.

Самостоятельной задачей является оценка качества работы хозрасчетных коллективов, в первую очередь — эффективности управления предприятием. Такая оценка может основываться главным образом на приведенных показателях результатов производства, учитывающих различия объективных условий приложения труда. Здесь велико значение показателя расчетной прибыли, и оно растет по мере совершенствования методов учета нормативного эффекта использования ресурсов и улучшения практики ценообразования. Включение в анализ такого важного ресурса производства и источника повышения его эффективности, как творческий потенциал трудовых коллективов и дух предприимчивости его руководителей, позволяет развить содержательную теорию чистой прибыли, объясняющую эту часть чистого дохода предприятия на базе расширенной интерпретации его производственной функции. Таким образом, в системе хозяйственного расчета прибыль измеряет эффективность двоякого рода: общая прибыль служит мерой полного производственного эффекта, а чистая (при названных условиях) — выражением части этого эффекта, порождаемой творческими, динамическими качествами хозрасчетных коллективов.

3. ПЛАНОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ, ХОЗРАСЧЕТ И ПРИБЫЛЬ

Выше рассматривалась абстрактная экономическая схема, в рамках которой проявляются указанные теоретические свойства показателя прибыли в качестве меры конечных результатов производства в хозрасчетных звеньях народного хозяйства. Как отмечалось, даже на этом уровне анализа обсуждаемый показатель предстает как важ-

ная, но не единственная мера экономического эффекта: он пригоден главным образом для оценки текущих, краткосрочных решений. Переходя же к более реалистической народнохозяйственной модели, надо принимать во внимание упрощенный характер некоторых предпосылок рассмотренной схемы. В реальной хозяйственной практике, по-видимому, возможно лишь известное приближение к идеальным ценам, абсолютно точно отражающим степень соответствия производимой продукции существующим потребностям и мгновенно реагирующим на изменения структуры производства и потребления. Нельзя считать типичной полную сбалансированность экономики; в частности, нереалистично предположение о полном равновесии как на рынке потребительских благ, так и на рынке средств производства. В этих условиях прибыль предприятия — именно в силу синтетического характера этого показателя — может расти не в соответствии с ростом народнохозяйственной эффективности производства. «При отсутствии... равновесия преимущества прибыли как показателя эффективности хозяйственной деятельности предприятия начинают перекрываться недостатками, так как предприятия получают тогда широкие возможности для увеличения прибыли за счет мнимых факторов ее роста, таких, как завышение цен, ухудшение качества изделий, ассортиментные сдвиги и т. д.»²²

Таким образом, практические возможности оценки эффективности предприятий с помощью показателя прибыли в известной мере ограничены. Но другого такого обобщающего показателя для измерения экономического эффекта не существует. Его преимущества перед частными показателями эффективности — производительности труда, себестоимости, фондоотдачи и др. — очевидны. Задача состоит в дальнейшем совершенствовании методов планирования и условий формирования прибыли, позволяющих ей лучше выполнять свою измерительную функцию. Но это только один аспект проблемы, поскольку правильное измерение эффективности производства — необходимое, но еще не достаточное условие ее повышения.

При всей важности достоверной оценки эффективности хозрасчетных звеньев народного хозяйства она не являет-

²² Совершенствование управления экономикой стран СЭВ. М., «Наука», 1974; с. 238.

ся ни единственной, ни главной задачей планового управления социалистической экономикой. Очевидно, что более важная проблема — это создание экономических условий для роста эффективности. Не менее очевидно, что наибольший ее рост обеспечивается в условиях планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, требующего, в свою очередь, централизации важнейших хозяйственных решений. Поэтому ведущее звено хозяйственного механизма социалистического общества — централизованное планирование, прежде всего перспективное, в ходе которого определяются темпы роста, основные направления и оптимальные пропорции развития народного хозяйства на долгосрочную перспективу. Эти пропорции не могут возникать стихийно, в результате самодействия автономных предприятий, ориентирующихся на максимум прибыли — механизм такого самодействия не включает в себе подобной возможности, напротив, он исключает ее. Устанавливая основные народнохозяйственные пропорции в централизованном порядке, социалистическое государство тем самым ограничивает роль товарно-денежных отношений в регулировании хозяйственной жизни, в том числе и роль прибыли. Ее регулирующие и оптимизирующие функции проявляются лишь в рамках этих пропорций, поэтому она никак не может рассматриваться в качестве главного регулятора социалистического производства.

Такая постановка вопроса обращена к более широкой проблеме — о роли и месте товарно-денежных отношений в хозяйственном механизме социализма, о возможности и конкретных формах их использования, обеспечивающих наилучшее сочетание централизации управления с хозяйственной самостоятельностью предприятий. Естественно, что категории прибыли придается тем большее значение, чем шире трактуется место рынка и рыночных отношений в социалистической экономике. В этой связи следует остановиться, хотя бы вкратце, на так называемой теории «социализма с рыночной системой» — теории, проповедующей полную автономию предприятий, направляемых в своей деятельности исключительно мотивом получения прибыли.

Известно, что к середине 60-х годов экономический потенциал европейских стран СЭВ укрепился, что, во-первых, позволило резко усилить внимание к росту жизнен-

ного уровня населения и, во-вторых, означало переход к качественно новому этапу экономического роста, выдвигающему на первый план задачу использования интенсивных факторов развития, повышения эффективности общественного производства. В связи с этим стала очевидной необходимость перестройки действующего хозяйственного механизма, нацеленного главным образом на количественный рост производства за счет вовлечения в него новых ресурсов — материальных и трудовых. Общим направлением такой перестройки, определившимся в ходе проведения в социалистических странах экономических реформ в указанные годы, явилось повышение роли экономических методов управления, механизма рыночного регулирования. В то же время в каждой стране имелись, конечно, свои особенности — в связи с различиями экономических, исторических и других условий. Выступая на заводе в г. Земуне во время визита в Югославию, Л. И. Брежнев говорил: «Мы, как коммунисты-марксисты, хорошо знаем, что существуют определенные общие закономерности социалистического строительства и общие, принципиальные черты и признаки социализма, без которых социализма вообще быть не может. А выбор конкретных форм организации общественной жизни — внутреннее дело каждой коммунистической партии, каждого народа... Для нас, коммунистов, марксистов-ленинцев, принципиальным является то, что наши страны принадлежат к одной общественно-экономической формации. А это, товарищи, в конечном счете самое главное»²³.

В названных условиях усилия экономистов социалистических стран были направлены на формулирование новой модели экономического развития, учитывающей изменившуюся хозяйственную обстановку. Эту задачу хорошо изложил на дискуссии в редакции журнала «Новые дроги» Ю. Паестка: «На современном этапе нашего развития, как и в ряде других социалистических стран, основное значение имеет использование интенсивных факторов развития, более широкое проявление инициативы и активности масс, повышение рациональной деятельности всех экономических единиц, лучшее приспособление производства к потребностям, повышение эластичности

²³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 3. М., Политиздат, 1972, с. 415.

деятельности. Все это связано с рыночным механизмом. В настоящее время не вызывает сомнения, что использование рыночного механизма в отношениях между отдельными экономическими единицами связано самым тесным образом с хозрасчетом и децентрализацией управления»²⁴.

Вместе с тем в указанные годы в экономической печати социалистических стран появились высказывания о целесообразности едва ли не полного отказа от принципа централизованного хозяйственного руководства, сопровождаемые описанием желательной и, по мнению их авторов, единственно рациональной модели функционирования социалистического хозяйства. В этой модели рынок по отношению к плану играет первичную, определяющую роль, а функции плана сводятся лишь к отражению законов рынка, его самостоятельное значение вообще отрицается. Народнохозяйственный план служит в такой схеме «средством комплексного познания будущего развития» и источником информации, оказывающим влияние на координацию деятельности хозяйственных единиц.

Нетрудно видеть, что такая схема функционирования социалистического хозяйства мало чем отличается от классической модели рыночной экономики. Ей недостает лишь одного — обоснования той исходной предпосылки, что подобный хозяйственный механизм действительно может обеспечить самое рациональное использование всех производственных факторов. Наивность такой идеализации рынка была уже показана нами в предыдущей части книги. Очевидна и логическая ошибка, допускаемая при подобной трактовке роли народнохозяйственного плана: исходной посылкой служит тезис, который сам должен быть доказан, а именно, что целью планирования является достижение состояния рыночного равновесия.

Фетишизация рынка теорией рыночного социализма в научной литературе социалистических стран подвергнута фундаментальной критике. Она, пишут польские экономисты С. Хелстовский и Я. Глувчик, «выражает мещанско-ревизионистскую тоску по старому, «доброму» капитализму, правда, никогда не осуществленному, но зато в совершенстве описанному в традиционных учебниках политической экономии, в которых полностью самостоятельные предприятия и инициативные предприни-

²⁴ «Nowe drogi», 1967, № 1,

матели конкурируют между собой и — правда, в погоне за прибылью — вынуждены наилучшим способом удовлетворять потребностям суверенного потребителя»²⁵. Более 50 лет назад В. И. Ленин указал, что свободная конкуренция порождает монополию и что любая мечта о возвращении к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции по сути дела является мещански-реакционной критикой капиталистического империализма»²⁶. «Система регулирования производства рынком, — говорил Б. Миц на дискуссии, проходившей в редакции журнала «Новая дорога» в 1967 г., — изжила себя, ибо она не вяжется с созданием оптимальных размеров предприятий и с обеспечением условий технического прогресса... Взгляды на регулируемую роль рынка в современном хозяйстве являются не только поворотом к «преддарвинизму в политической экономии», по определению одного из буржуазных экономистов, но и своеобразным симондизмом XX века, т. е. попыткой избежать противоречий современности путем идеализации прошлых и невозвратных отношений»²⁷. Участники дискуссии высказали мнение об ограниченной роли рынка в условиях современного, особенно социалистического, хозяйства, рассматривая рыночный механизм как инструмент лишь текущего приспособления экономической деятельности отдельных предприятий. Такую же позицию в отношении категории социалистического рынка выработала дискуссия, организованная румынским журналом «Проблема экономиче» в 1968 г.²⁸

Марксистская критика «рыночного социализма» подчеркивает несостоятельность концепции, отрицающей закон планомерного развития народного хозяйства, и показывает, что отрицание необходимости централизованного планирования означает отказ от решающих преимуществ социалистической системы хозяйства. Эта концепция, по существу, исходит из неверия в возможность научного познания закономерностей хозяйственной жизни. Только такая исходная посылка может оправдать отказ от централизованного управления экономикой и его

²⁵ «Zycie gospodarcze», 1968, № 29, 30.

²⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 27, с. 315, 322.

²⁷ «Nowe drogi», 1967, № 1.

²⁸ «Probleme Economice», 1968, № 5.

замену предполагаемым автоматизмом рынка. В конечном счете именно элементу стихийности эта теория придает решающее значение в регулировании экономических процессов. Едва ли можно назвать еще какую-нибудь область сознательной деятельности, где так открыто признавалась бы несостоятельность человеческого разума, его неспособность познать закономерности общественных процессов и управлять ими²⁹.

Присоединяясь к отмеченной выше критике, хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Если очевидна целесообразность централизованного регулирования основных народнохозяйственных пропорций, обеспечивающего максимум экономического эффекта производства и осуществляемого нередко вопреки принципу индивидуальной рентабельности, то нельзя не признать ограниченной роли этого принципа в плановом хозяйстве. Как отмечалось ранее, прибыль служит весьма важным показателем эффективности хозяйственного предприятия, но она не может рассматриваться как единый оценочный показатель, ни тем более в качестве главного регулятора социалистического производства.

Проблема соотношения принципов централизации и децентрализации в управлении социалистической экономикой затрагивалась уже в первой части книги. Как отмечалось, экономический строй, базирующийся на общественной собственности на средства производства, открывает возможность планомерного развития народного хозяйства на основе централизации стратегических хозяйственных решений. Но дело не только в возможности, но и в объективной необходимости такой централизации, диктуемой характером современных производительных сил. Остановимся на этом подробнее.

Марксистско-ленинская политическая экономия учит, что решающим фактором изменений в экономическом базисе общества, перестройки форм экономической организации, в том числе методов управления производством, служит развитие производительных сил. Нынешняя стадия их развития характеризуется крупными масштабами производства, резким повышением уровня его технической оснащенности, усложнением технологии и межотрас-

²⁹ Более подробно теория рыночного социализма рассмотрена нами в книге «Рентабельность и эффективность социалистического предприятия» (Новосибирск, «Наука», 1971).

левых связей, ускорением научно-технического прогресса. Эти изменения обусловили существенное снижение роли рынка в регулировании основных пропорций современного капиталистического производства. Выдвижение на первый план долгосрочных решений об использовании значительных средств вступило в противоречие с ненадежностью рыночного механизма и потребовало его замены в этой области так называемым «концерновым планированием» и мерами государственно-монополистического регулирования экономики. Из независимой стихийной силы, диктующей условия производства, рынок превратился в инструмент, подчиненный крупным корпорациям, которые сами диктуют ему эти условия — объемы и состав производимой продукции, цены и т. д.

Трансформация, которую претерпел рынок, явилась объективным процессом, обусловленным изменением характера производства, она не отрицается и буржуазными экономистами. «Точка зрения, что решения рынка дают наилучшие результаты, — пишет профессор Техасского университета Эйрес, — соответствует некоторым теологическим учениям, которые пользовались широкой популярностью среди интеллектуальной элиты XVIII века»³⁰. Этот вопрос рассматривался ранее, и мы возвращаемся к нему постольку, поскольку речь идет об изменениях функций рынка, которые затрагивают не только его специфическую форму при капитализме, но и общие черты, присущие всякому рынку. Анализ этих объективных процессов необходим для правильной оценки роли товарно-денежного механизма в условиях социалистического хозяйства. Укажем главные, на наш взгляд, факторы, ограничивающие разумную область использования этого механизма в плановой экономике.

Это прежде всего резко возросшее значение долгосрочных экономических решений в условиях современного крупного производства — решений, определяющих его будущую форму и структуру. К ним относятся решения о распределении национального дохода на потребление и накопление, о капитальных вложениях и научных исследованиях и др. Реакция рынка содержит информацию, пригодную для принятия краткосрочных решений, но она не может служить основой для опреде-

³⁰ Ayres C. E. Toward a reasonable Society. — In: The values of industrial civilization. Texas Press. 1961, p. 26.

ления перспективных пропорций народного хозяйства. По своей природе рыночная информация носит ретроспективный характер, она фиксирует соответствующие диспропорции после того, как они обнаружались, поэтому ее нельзя использовать для их предупреждения. Очевидно, что опережающее развитие ведущих отраслей, установление прогрессивной структуры производства может быть обеспечено лишь на основе централизованного планирования. Без такого планирования нельзя решить проблему региональной пропорциональности, рационального территориального размещения производительных сил. Рыночный спрос нельзя отождествлять с потребностями, их изучение и формирование рациональной, соответствующей научным нормам структуры потребления — также задача центрального органа хозяйственного руководства. В случае выпуска новых, не производившихся ранее продуктов ориентироваться на рыночный спрос вообще невозможно. Тенденция же современного производства как раз состоит в постоянном увеличении доли новых продуктов.

Весьма важной функцией централизованного управления является проведение государственной технической политики. Ускорение научно-технического прогресса было названо на XXV съезде КПСС узловой проблемой и первоочередной задачей развития экономики на современном этапе. Но при нынешних темпах и масштабах научно-технической революции определение перспективных направлений развития науки и техники, форсирование технического прогресса и внедрение его достижений в производство могут осуществляться только при концентрации крупных средств в распоряжении высших органов управления хозяйством. В их компетенцию входят также развитие производственной инфраструктуры, вопросы правильного освоения естественных ресурсов страны, подготовки кадров, жилищного строительства и создание многих других экономических условий развития производства. Эти вопросы никак не могут быть решены на основе самодействия обособленных товаропроизводителей, руководствующихся критерием прибыли. Кроме того, в условиях такого самодействия неизбежны расхождения между общественными и частными интересами, например в случаях, когда нужные обществу блага не могут вообще производиться или производиться эф-

фективно на началах частной инициативы, когда рациональная эксплуатация ресурсов не обеспечивается механизмом рынка, и т. д. — многочисленные примеры такого рода приводились во второй части книги.

Немаловажной проблемой государственного управления является создание условий для развития непродуцированной сферы. Целью высшего ранга при социализме служит общественное (а не только экономическое) благосостояние, которое определяется конкретными социально-политическими условиями, военной обстановкой и многими другими неэкономическими факторами. Распределение ресурсов общества между удовлетворением его экономических и неэкономических потребностей — прерогатива руководящих партийно-государственных органов, оно не может регулироваться товарно-денежным механизмом. По устанавливаемое в централизованном порядке, это соотношение фиксирует и определенные пропорции в производстве экономических благ, ведь именно здесь создается материальная база непродуцированной сферы. Необходимо, таким образом, не только внерыночное перераспределение части производимого продукта в пользу непродуцированной сферы, но и обязательное определение в централизованном порядке пропорций самого производства — для правильного учета нужд этой сферы. Такая необходимость совершенно очевидна и в тех случаях, когда указанные нужды требуют производства специфической продукции (военная техника, научное оборудование, медикаменты и др.). Рассматривать непродуцированную сферу в качестве лишь одного из равноправных потребителей, влияющих своим спросом на формирование структуры производства, нельзя: выполнение возложенных на нее важнейших общегосударственных задач недопустимо ставить в зависимость от действия рыночного механизма³¹. Это относится к обеспечению обо-

³¹ «Любая точка зрения, — замечает Кеннет Эрроу, — опирающаяся на предположение об общности, согласованности как базе для общественных действий, определенно предполагает, что рыночный механизм не может рассматриваться в качестве общественной функции благосостояния, так как механизм рынка не может учитывать альтруистические мотивы, которые необходимы для обеспечения такой согласованности. Если, в частности, эта согласованность — моральный императив, дело обстоит еще хуже, так как рынок явно может выражать лишь прагматические императивы» (Arrow-K. Social Choice and Individual Values. N. Y., 1966, p. 86).

роны страны, развитию образования, здравоохранения, социального обеспечения и к многим другим общегосударственным задачам. Безоговорочная гарантия, необходимая в таких случаях, достигается только при условии централизованного регулирования соответствующих пропорций производства.

Перечисленные выше факторы объясняют объективную необходимость централизации важнейших экономических решений для обеспечения планомерного развития общественного производства, а тем самым и его наибольшей эффективности. Такая необходимость, как было показано, обусловлена характером современного производства, современных хозяйственных проблем. Централизованное планирование призвано выполнять те функции управления производством, которые не могут быть доверены товарно-денежному механизму — даже теоретически. Но он может успешно решать другие важные задачи управления, а именно — обеспечить наиболее эффективные пути и способы осуществления экономической политики социалистического государства, получающей общее выражение в проектировках народнохозяйственного плана. Изменившаяся сущность современного рынка и возросшее значение плановых элементов в его формировании не означают, что он лишается всякой самостоятельной роли. Его значение в том, что на основе товарно-денежных отношений возможно согласование экономических интересов общества и отдельных его производственных звеньев, создание их заинтересованности в наивысшей эффективности производства и реальных возможностей для проявления творческой инициативы и трудовой активности. Это исключительно важный источник развития и совершенствования социалистического производства, и именно его использование требует организации управления плановой экономикой на началах демократического централизма. Только при этом условии социалистическая система может реализовать все свои преимущества, сочетая возможности централизации стратегических решений с экономической самостоятельностью производственных коллективов, порождающей мощные стимулы к повышению эффективности производства.

Планомерное развитие народного хозяйства требует не только определения центральным плановым органом основных направлений такого развития, но и экономи-

ческих условий для их реализации. Главным из этих условий и служит указанная согласованность экономических интересов, которая является тем большей, чем активнее роль товарно-денежных отношений, т. е. экономических, хозрасчетных рычагов управления предприятиями. «Социалистическое государство, — пишет академик Н. П. Федоренко, — располагает обширным арсеналом методов обеспечения планомерности развития социалистической экономики. К их числу относятся как централизованное воздействие на установление важнейших пропорций народного хозяйства, так и методы планомерного регулирования хозяйственных процессов с помощью так называемых экономических рычагов, системы цен, механизма материального стимулирования и т. д. Нет ничего ошибочнее противопоставления друг другу различных методов обеспечения планомерности: и централизованное планирование с помощью адресных заданий предприятиям, и управление с помощью экономических рычагов — это лишь методы достижения планомерности, пропорциональности в народном хозяйстве»³².

Таким образом, товарно-денежный механизм — неотъемлемый и весьма важный элемент системы хозяйственного управления при социализме, и его использование объясняется необходимостью сочетания централизованного планового начала и самостоятельности хозрасчетных звеньев производства. В первой части книги уже говорилось, что степень развития и сфера использования товарно-денежных отношений определяют рамки хозрасчетной самостоятельности предприятий и объединений, а эффективность экономических рычагов управления находится в прямой зависимости от этих рамок. Поэтому в каждой конкретной схеме хозяйственного механизма, предусматривающей определенное соотношение принципов централизации и децентрализации управления, тем самым устанавливается и определенная степень использования товарно-денежных отношений, которая, в свою очередь, определяет возможности и рамки применения хозрасчетных рычагов управления и их действенность. Это в полной мере относится к одной из центральных категорий хозрасчета — прибыли. Возможности измерения на ее ос-

³² Федоренко Н. П. Оптимизация экономики. М., «Наука», 1977, с. 244.

нове экономического эффекта и ее роль в качестве экономического стимула повышения эффективности производства, а поэтому и косвенного его регулятора, существенно зависят от границ экономической самостоятельности хозрасчетного предприятия. Очевидно, например, что при фиксированных плане объеме и номенклатуре продукции показатель прибыли контролирует главным образом уровень издержек производства, т. е. служит мерой не эффективности, а скорее экономичности, бережливости. Короче говоря, применение этого обобщающего показателя как критерия эффективности хозяйственных решений обусловлено возможностью выбора таких решений, а его стимулирующий эффект определяется возможностью самостоятельного использования хозрасчетным предприятием получаемой прибыли.

Общими чертами, присущими всякой плановой социалистической экономике, являются общественная собственность на средства производства и государственное планирование и управление народным хозяйством, которое осуществляется при руководящей роли коммунистических и рабочих партий. В то же время в каждой социалистической стране имеются свои особые условия — экономические и многие другие, определяющие специфику используемых на том или ином этапе ее развития методов хозяйственного руководства. Поэтому различия методов управления народным хозяйством, применяемых в этих странах, — это не только теоретическая возможность, но и факт реальной действительности. Например, экономическая реформа в Венгерской Народной Республике (1968 г.) отменила адресные плановые задания предприятиям, что служит, пожалуй, главной особенностью хозяйственного механизма этой страны. В этих условиях роль прибыли как показателя эффективности хозрасчетного предприятия и экономического стимула развития производства существенно возрастает — по называвшимся выше причинам. Она становится одним из главных средств экономического (по терминологии венгерских товарищей — косвенного) регулирования хозяйственной деятельности предприятий. Опыт развития венгерской экономики за истекшее десятилетие подтверждает жизнеспособность такой модели хозяйственного управления, во всяком случае, для конкретных экономических и социально-политических условий данной социалистической страны. Он сви-

детельствует о том, что планомерное развитие народного хозяйства, при условии централизации важнейших хозяйственных решений относительно темпов роста и пропорций общественного производства, вполне возможно при разной степени экономического обособления его хозрасчетных звеньев, определяющей и разную роль хозрасчетных рычагов управления, в том числе прибыли.

Весьма интересные соображения о категории планомерного экономического развития и самом понятии планового развития выдвигаются известным венгерским экономистом Б. Чикош-Надем. Он берет под сомнение представления о том, что централизованное планирование обязательно связано с адресными заданиями предприятиям. Поскольку в экономической жизни всегда присутствует фактор неопределенности, пишет он, требования планового развития получают лишь приближенное отражение в государственном народнохозяйственном плане. Отсюда делается вывод, что понятия планового развития и развития в точном соответствии с директивными показателями плана не идентичны. Если, например, рост производительности труда превышает запланированный, это не означает нарушения принципа планового развития, а свидетельствует о выявлении резервов производства. Точно так же снижение выпуска продукции против плана в связи с уменьшившейся потребностью в ней не нарушает этого принципа, а соответствует ему. Если требования закона планомерного, пропорционального развития не полностью учтены при разработке плана, то отклонения от него отвечают этим требованиям в большей мере, чем его директивные показатели. «Таким образом, можно утверждать, что, как общее правило, отклонения от директивных плановых показателей означают в одних случаях большую, в других — меньшую эффективность производства, чем запланированная... Следовательно, плановое развитие нельзя оценивать, сравнивая плановые и фактические показатели». Такая оценка, говорится далее, возможна лишь на основе системы объективных характеристик экономических процессов: роста национального дохода, доли его прироста за счет повышения производительности труда, экономической эффективности и др. Последняя выражается в данной концепции показателем рентабельности: «Рентабельность есть локальный показатель производительности национальной экономики, и максимизация прибыли — это рациональное поведение предприятия, позволяющее оптимизировать эту производительность»³³. Заметим, что речь идет здесь о динамике прибыли, а не о выполнении плана по прибыли.

Итак, роль показателя прибыли в хозяйственном механизме различна в разных моделях функционирования социалистической экономики, она обуславливается принимаемыми в этих моделях общими принципами управ-

³³ Csikos-Nagy B. Socialist Price Theory and Price Policy. Budapest, 1975, p. 105—110, 112.

ления и прежде всего тем или иным сочетанием централизованного начала и экономической самостоятельности предприятий. Как прибыль, так и другие категории хозяйственного расчета играют тем большую роль, чем большее значение придается экономическим методам управления, т. е. принципу его разумной децентрализации. Последняя же означает расширение экономической самостоятельности хозрасчетных предприятий (объединений), которое служит исходным условием усиления действительности указанных методов и оправдывается постольку, поскольку признается необходимостью их применения в управлении социалистическим народным хозяйством.

Сказанное возвращает нас к выводу, сделанному в первой части книги, а именно, что развитие и укрепление хозяйственного расчета связано прежде всего с расширением хозяйственной компетенции первичных ячеек общественного производства. Усиливая их экономическую заинтересованность в результатах производства, в изыскании наиболее эффективных путей реализации проективных народнохозяйственного плана, оно укрепляет плановое начало в хозяйственном руководстве. В сочетании с постоянным совершенствованием методов централизованного управления укрепление хозрасчета позволит поднять всю систему управления социалистическим производством на более высокий уровень.

Не питая симпатий к абстрактным схемам рыночного регулирования, как это видно из всего предыдущего изложения, мы в то же время убеждены, что товарно-денежный механизм социалистической экономики таит в себе значительные неиспользованные возможности. Его роль может и должна быть повышена существенно — до разумных границ, допускаемых критерием наибольшего суммарного эффекта управления.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аганбегян А. Г. 6
 Аллен Р. 100, 186—188, 190
 Альтер Л. Б. 98, 122, 162
 Андерсон Б. М. 90
 Атлас Э. В. 254
 Афанасьев В. Г. 260
- Баев И. А. 66
 Бастна Ф. 163, 164, 166
 Баумоль У. 133, 134, 154, 187, 188, 190, 195, 196
 Бачурин А. В. 63
 Бебель А. 165
 Бем-Баверк Е. 98, 157, 166, 167
 Бергсон А. 134, 152
 Бернард Ч. 13
 Бирман А. М. 35, 254
 Блюмин И. Г. 98, 122, 129
 Богачев В. Н. 287, 292
 Буолдинг К. 98, 195
 Боули М. 87
 Боуэн Х. 191
 Брежнев Л. И. 11, 31, 335
 Бунич П. Г. 41, 50, 56
- Ваг Л. А. 250, 286, 287, 289
 Вагнер А. 166
 Вальрас Л. 85, 98, 99, 106, 108, 109, 113, 122
 Васильев В. С. 200
 Васильева Н. А. 80
 Веблен Т. 151, 221
 Вендров Е. Е. 260
 Веселков Ф. С. 81
 Вест У. 90
- Визер Ф. 98, 166, 281
 Викрей В. 153
 Виксель К. 102, 103
 Винстен С. 222
 Волковский В. А. 262
 Вульф Ф. 257
- Галиани Ф. 166
 Гейл Д. 118
 Германи Ф. 163
 Глущик Я. 336
 Гордон Р. 178, 190, 193
 Госсен Г. 97, 99
 Громека В. И. 200
 Гурней Б. 260
 Гэлбрейт Дж. К. 180, 186, 190—193, 260
- Данциг Дж. 257
 Дебре Дж. 111
 Девонс У. С. 98, 167
 Джиноа М. 163
 Дзарасов С. С. 27
 Дорфман Р. 109, 111, 117, 120, 187, 192, 256
 Дюмулен Ч. 158
 Дюшюи Ш. Ф. 129
- Евстигнеев Р. Н. 30, 36
 Егиазарян Г. А. 24, 45, 55, 56, 64, 81, 84, 293
 Емельянов С. В. 319
- Камс Э. 148, 154, 180, 219
 Жюглар К. 155

Захаров С. Н. 250, 286, 287, 289
Илев Б. 57
Кадар Я. 29
Калдор Н. 132, 133
Кальвин Ж. 158
Канторович Л. В. 268, 269, 284, 303
Карвер Т. 167
Каргополов В. 70
Карлин С. 111, 120
Кассель Г. 106, 109, 113
Кейнс Дж. М. 155, 156
Кинг Г. 248
Кифер Д. 200
Кларк Дж. Б. 123, 155, 168, 171, 173
Койвисто У. 191
Косса Л. 166
Косыгин А. Н. 330
Красовский В. 249
Купманс Т. 330
Курно А. 85, 100, 188
Кэннан Е. 123
Кэри Г. 162, 163
Кэрнс Дж. Э. 94
Ламбертон Д. М. 173, 178, 179, 194, 198, 221
Ланге О. 30
Ландри А. 219
Лаудердаль Д. М. 162
Лаунгард В. 167
Ленин В. И. 33, 165, 226, 337
Лернер А. 87
Либерман Е. Г. 254
Литтл И. 151, 154
Локк Д. 158, 159
Лонгфилд М. 94
Лурье А. Л. 268, 272, 282, 283
Лушин С. И. 245
Львов Д. С. 287, 289, 297, 302
Льюс Р. 153, 189, 190, 314
Майнт Х. 88, 94, 145, 147
Мак-Кензи Л. 111
Мальтус Т. Р. 90, 162
Малышев И. С. 230, 248, 254
Мангольдт Г. 173
Маркин А. А. 43
Маркс К. 97, 158—165, 224, 225, 234, 248, 306
Маршалл А. 123, 128—132, 135, 136, 138, 139, 166, 194, 214, 215
Менгер К. 98, 165—167
Мергелов Г. С. 58, 60, 63
Мешковой Н. П. 66
Милль Дж. Ст. 92, 93, 164
Мицц Б. 337
Можайскова И. В. 82
Молинари Г. 155
Моргенштерн О. 213, 310
Моришима М. 227
Мэйо Э. 13
Надь Т. 52, 53
Найт Ф. 151, 157, 168, 172—179
Напфельбаум Э. Л. 319
Немчинов В. С. 307
Николаев Б. С. 245
Новожилов В. В. 69, 75, 268, 270, 274, 273—275, 277, 287, 291, 296, 299
Норс Д. 158, 159.
Ноткин А. И. 308
Натл Д. 193
Октябрьский П. Я. 235
Павлова В. П. 61
Паестка Ю. 14, 335
Панталеони М. 166
Парето В. 85, 100, 102, 106, 119, 120, 134, 135, 150, 209, 257
Пеннанс Ф. 281
Петраков Н. Я. 245, 246, 266, 307, 317, 327
Петти В. 158, 159, 248
Пешков Г. Ф. 66
Пигу А. 123, 140, 142—147, 151, 173, 214
Плышевский Б. П. 251, 323
Попов Г. Х. 14
Прокофьев М. 70
Прудон П. 163
Пугачев В. Ф. 262, 318
Райфа Х. 153, 189, 190, 314
Редер М. 132
Редлих Ф. 178

Рёскин Д. 151
Рикардо Д. 90, 91, 93, 143, 161, 162, 204—207, 248
Роббинс Л. 152
Робертсон Д. 154, 165
Робинсон Дж. 155, 180, 194
Ротенберг Дж. 153
Рошер В. 164
Родбертус Я. К. 165
Ройzman И. И. 236
Рубинштейн А. Я. 287, 289, 297, 302
Саймон Г. 13, 190, 195, 260.
Сакс Дж. Е. 167
Самуэльсон П. 99, 109, 111, 117, 120, 127, 130, 141, 142, 146, 185, 187, 192, 220, 256
Селдон А. 281
Селигмен Б. 98, 148, 187, 190
Сениор Н. У. 94, 162, 164
Сиджвик Г. 123—128, 146
Ситовски Т. Д. 87, 133
Скроп Дж. 164
Слущкий Е. Е. 314
Смирнов А. Д. 51, 56
Смит А. 88—97, 160, 161, 203—205
Соболь В. 230
Солоу Р. 109, 111, 117, 120, 187, 256
Спенсер Г. 151
Спиридонова Н. С. 41
Старосьчак Е. 259
Стиглер Д. 192
Столерю Л. 17
Струмилин С. Г. 232, 318
Сэй Ж. Б. 163, 166
Тангорра Д. 165
Тагур С. К. 50, 51
Тобин Д. 193, 194
Трибус А. А. 32
Туган-Барановский М. И. 167, 168, 277

Турецкий Ш. Я. 307
Тюнен И. 164, 173

Уайт О. 167
Уиллет А. 173
Уолд А. 111
Уэстон Дж. 178, 179

Федоренко Н. П. 65, 67, 266, 267, 343
Финкельштейн А. Л. 61
Флоренс С. 222
Фридмен М. 192

Хансен Б. 199
Харди Ч. 173
Хелстовский С. 336
Хиггинс Б. 193
Хикс Дж. 129, 132, 140, 141, 143, 145, 172, 173
Ходский Л. 166
Холл М. 222
Хоули Ф. 167, 173, 174

Чемберлин Э. Х. 155, 180—184, 211
Чернышевский Н. Г. 92
Чикш-Надь Б. 345

Шналойа А. 163
Штакельберг Х. 109
Шумпетер И. 157, 168—172
Шекл Дж. 198, 199, 266

Эджеворт Ф. 100, 101, 120, 212
Эйлер Л. 188
Эйрес К. 339
Энгельс Ф. 158—165, 224, 234, 306
Эрроу К. 111, 153
Эффертс О. 219

Янг А. 123